

Еркебулан УЛЫКБЕКОВ

ХАВЬЕР

В современном мире предостаточно чудес. Но удивительней всего, чудесней – встретить человека, который, подобно Дон Кихоту, становится приверженцем идеалов прошлого. Разумеется, вы скажете, что в мегаполисе такое вряд ли случается, что если и есть Дон Кихот, то он непременно борется с ветряными мельницами у провинциальной трассы, составляет звёздную карту, глядя на темную синь из шанырака или возлежав на сене в степи. Однако чем крупнее мегаполис, чем больше в нём жителей и гостей, тем более разного рода оригиналы погружаются в исследование, которое нам завещали дельфийские оракулы – «Познай самого себя». И, честно признаться, нужно быть очень волевым и стойким человеком, чтобы не вывернуть себе голову в уединенных поисках истины. Один из таких Дон Кихотов утвердился в истине, поэтому был уверен в её совершенстве. Я встретил его, когда отправился в открытое море с целью увидеть воочию славу древнейшей цивилизации – пирамиды, в свой первый отпуск за последние несколько лет.

Море было превосходным. Всё было ровно так, как обещали в рекламе: бирюзовые лагуны, коралловые дворцы, ощущение приемлемого риска встретить белую акулу где-нибудь возле отеля. Что уж говорить о красоте открытого моря? Там я и встретил незамеченного ранее Дон Кихота. Он подсел ко мне, видя, что и я скучающий одиночка, и заговорил:

– Мне это место напоминает давно виданный мною берег...

Я ждал продолжения, но его не было.

– А как вам местный климат? – спросил я более в силу воспитанности, чем желания познакомиться.

– Климат поразительный! Днем мы отправляемся покорять пустыни, возводить новый храм наших душ, но это солнце всегда возвращает нас восвояси. И мы ждём, пока силы воскреснут, чтобы возобновить шествие к священным водам этого моря под сводами ночного неба. Но даже ночной ветер беспощаден – он предрекает новое пекло на следующий день. Благо, что наша цивилизация развилась настолько, что мы можем и на этом судне добраться, к примеру, от Синайского полуострова до африканской части Египта.

Это был невероятно странный тип. Если бы я не был уверен, что в бою смог бы его одолеть, как бы далек я ни был от всех боевых искусств, учитывая тот факт, что мы оба на одном судне, то, вероятно, мною овладел бы приступ малодушия. Я представился и продолжил, возможно, только любопытствуя:

– Как вас зовут?

– Вы будете удивлены, меня зовут Хавьер.

– Напротив, это имя вам к лицу. Откуда вы?

– Теперь вы точно удивитесь. Родом я из Пензы.

– Да, впечатляет.

– То-то! – мое искреннее удивление порадовало Хавьера.

– Как вас решили так назвать?

– Дело в том, что моя мать была с детства увлечена европейской классикой. Она говорила, что непременно какая-нибудь важная частица её жизни должна была напоминать ей о любви к Европе. Вы наверняка спросите, была ли она в Европе. Да. Она была в Испании. К сожалению или к счастью, один каталонец вскружил ей голову так, что она забыла всё на свете... а когда он объявил ей, что не признает своего отцовства надо мной, она готова была сделать аборт или покончить с собой, но одна милостивая монахиня помогла ей справиться с её го-

рем. Эта монахиня была человеком доброго сердца. Когда моя матушка решила вернуться на родину, она отнеслась к этому с пониманием. Не знаю, что сейчас с ней, их переписка с мамой была непродолжительной, и она говорила, что монахиня сильно ослабла, – Хавьер прослезился, а затем перекрестился, проговорив что-то на латинском.

– Что вы сейчас произнесли?

– Это слова одной старой молитвы. Однако я не спросил, откуда вы.

– Я из Казахстана. Город Алматы.

– Алматы? Нет, не слышал...

Мне стало обидно, мир не кружится вокруг нас. Мой собеседник не знал культурной столицы Казахстана.

– Что вы можете рассказать о своей родине?

– Только то, что я люблю её. Но, признаюсь, я бы послушал вас, Хавьер. Что-то подсказывает мне, что ваша история интереснее. Вы нашли отца?

Хавьер уставился в одну точку и, эта точка выражала полную концентрацию на определенной мысли. Хавьер постарел невероятно, почти магически.

– Хавьер? – неуверенно спросил я.

Я уже ожидал какого-нибудь припадка или истерики, кто знает, может я задел его серьезную травму.

– Я увижусь со своим отцом здесь. В Гизе.

– То есть? Разве он не испанец?

– Да, он испанец. Испанец... Понимаете, однажды мне явилось откровение. Словно это был сон, но в то же время и не сон... я будто узнал своего отца, и он обещал, что сообщит мне что-то очень важное, касающееся истории моей семьи, моего рода, а это, сами понимаете, необходимо каждому человеку. Рано или поздно мы задаемся вопросом, кто же мы как часть целого, в случае семейных традиций – кто наши предки.

Хавьер медленно поднялся и подошел к краю нашего судна. Со второго этажа открывался целый мир: берег, лазурь, туманная череда невысоких гор на другой стороне залива, там уже Африка. Ароматный бриз играл его седыми волосами, но Хавьера это совсем не привлекало. Лицо его выражало сосредоточенное размышление. Он повернулся в сторону лестницы, ведущей в глубину судна. Семьи и парочки в масках по четыре доллара за штуку несмело ныряли под воду, рассматривали разноцветных полосатых рыбок. Хавьер едва улыбнулся, зачесал пятерней редкую прядь и снова подошел ко мне.

– Моя жизнь принадлежит только законам чести. Понять это может не всякий, к сожалению, и вам я не осмелюсь многое рассказывать. Порой честь требует на первый взгляд неразумных поступков. Однажды матушка призналась, что мой отец погиб в какой-то экспедиции близ пирамид в Египте. Инициаторы того злополучного похода обнаружили наводку на неразведанные археологические находки, а мой отец, как вы поняли, тот ещё авантюрист...

– И что вы намерены делать?

– Когда я столкнулся с призраком своего отца и почувствовал, что это не просто сон, не просто видение, а нечто большее и подобно пророчеству, я понял, что Господь наградил меня даром общения с духами. Я намерен найти его, если это будет в моих силах.

Таинственная сила загорелась в глазах Хавьера. Не свет ли это безумия? Сложно сказать. Я был взволнован и даже напуган. Я заверил Хавьера, что пирамиды действительно имеют удивительные свойства, вспомнил о высоком уровне древней культуры египтян, которые имели уникальные традиции, не отрицающие магию и способности жрецов связываться с загробным миром. Ещё немного мы говорили об Осирисе, Амон Ра, Анубисе, о том, насколько современ-

ные религии связаны с нашими, но, как только выдался момент, я ушел на первый этаж. Мы плыли невыносимо долго. Наконец, наше судно достигло точки прибытия и мы высадились в небольшой бухте. Бродячие собаки спасались от жары под тенью ветхих лодок или ныряли в воду, но и она была горяча. Мы шли по старой дороге близ пирамид. Наша немногочисленная группа туристов пыталась укрыться от солнца самыми разными способами – зонтами, арабскими тюрбанами, панамками. Хавьер оглядывался кругом, опасаясь, что его сокровенное испытание будет нарушено шумом или людьми. Казалось, его не волновало ничего, кроме его цели, и жара, и всё вокруг были лишь чем-то несущественным, случайным. Двадцать минут. Час. Ещё час. С обеих сторон узкой дороги стояли ветхие дома с пыльными топчанами. Старые автомобили чудом разъезжались на перекрестках – светофоров в Каире толком нет, а подрезать водителей могут наездники двуколки, стадо верблюдов и даже породистые скакуны. Мы подошли к блок-посту, приобрели билеты и вошли на территорию седьмого чуда света.

– Великое зрелище, правда? – спросил я, провожая взглядом гордый полет ястреба над макушкой пирамиды Хеопса. Яркое, синее, высокое небо было таким безоблачным и бездонным, что и пирамиды казались меньше, чем они были в детских мечтах.

– Да... – глаза Хавьера осматривали красоту представшей перед нами древности, его широкий, пусть и экстремичный ум не позволил бы испортить этот момент слезой, – я поищу какого-нибудь знака.

– Знака?

– Ответа не было.

Хавьер блуждал среди толп, подходил к каждой пирамиде, пристройке, кружил по несколько раз, но, видимо, ничто не указало ему дальнейший путь. Тогда он присел, как султан, в отдалении, чтобы были видны все три пирамиды, и смотрел в одну точку, созерцая и, вероятно, печалась. Я некоторое время наблюдал за ним, а затем решил подойти и спросить, что он намерен делать.

– Я отправлюсь в Луксор. Говорят, там тоже есть пирамиды.

– Пешком?

– А как же!

– Это чертовски далеко, и ваша мама говорила, что экспедиция была тут...

– Ах, да... – Хавьер всхлипнул и стал ходить около меня, напряженно думая.

– А что бы вы сказали своему отцу?

Хавьер остановился и несколько минут провел в угрюмом молчании.

– Я бы сказал ему, что всю жизнь мне не хватало его... что моя мать страдала, что я чувствовал себя брошенным, бесполезным и ненужным... Я бы сказал, что люблю и ненавижу его, и я бы всё отдал, чтобы узнать, что это за счастье – иметь отца! – Хавьер с трудом завершил последнюю фразу и заплакал. Я подошёл к нему и похлопал по плечу.

Мы расстались с Хавьером, когда он отправился в Луксор, допустив, что стоит изучить все варианты. Он шел в сторону горизонта, пока не село солнце.

Я благополучно вернулся в Шарм-эль-Шейх. Каждый вечер, по традиции, в отеле играла веселая музыка, нас развлекали беззаботные аниматоры, люди пили, плавали, целовались, проводили вместе ночи. Но иногда было видно, как некоторые туристы, оказавшись на площадке вечернего досуга одни, всё смотрят вдаль, а лица их грустны. Там граница беспокойных мест. Но нам ведь должно быть хорошо, если мы способны принести человечеству пользу? И разве фигура одинокого, почти мистического пилигрима, уходящего вместе с солнцем в поисках призрака отца, не маленькая песчинка на карте жизни? И всё же, как те, кто смотрели в ночное пространство, зная, что мир неспокоен, я смотрел на образ Хавьера и искренне желал ему добиться своего, хотя это невозможно.